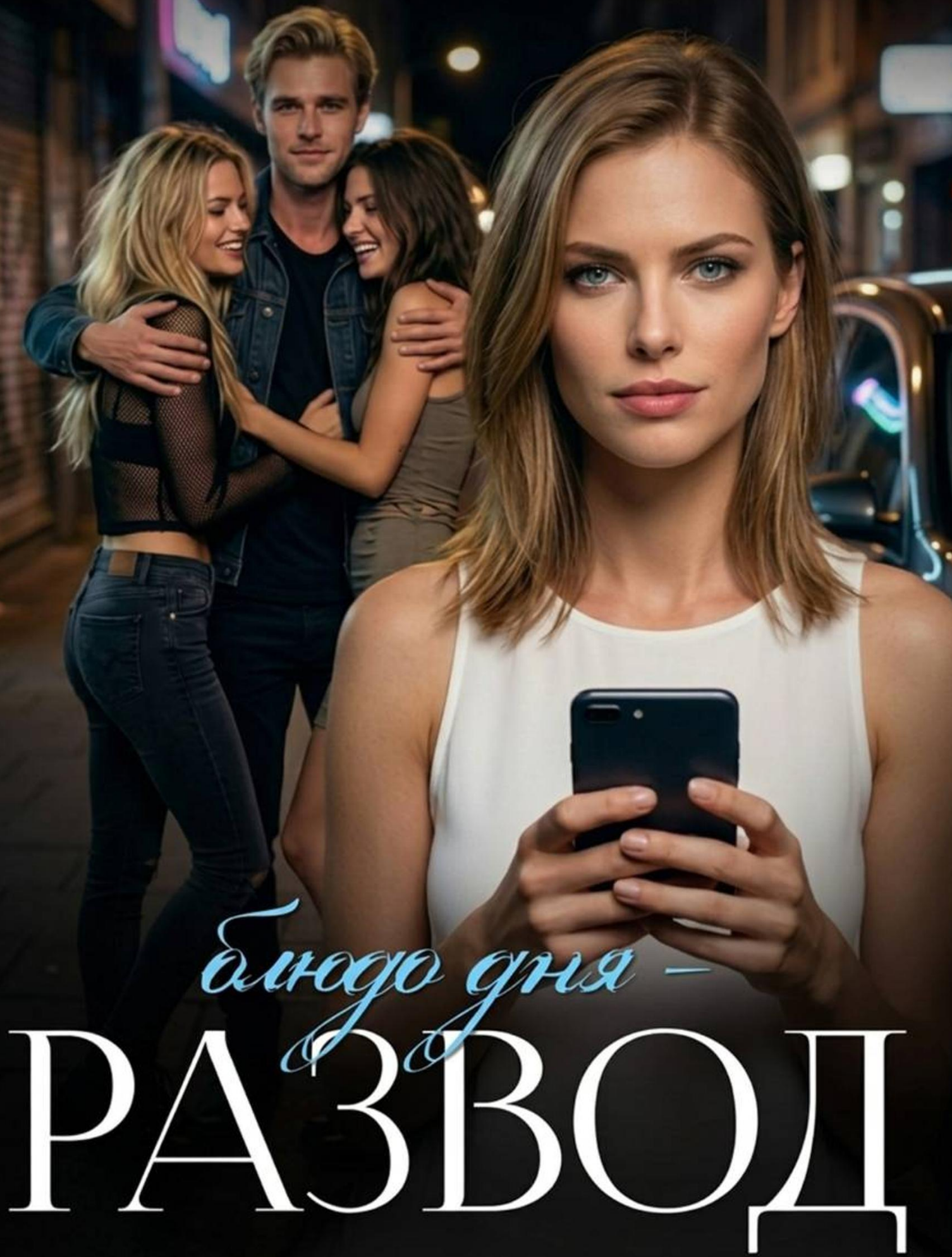

ТИНА ЛАВ

Блуждо дня -

РАЗВОД

Развод - начало новой жизни

Тина Лав

Блюдо дня - развод

«Автор»

2026

Лав Т.

Блюдо дня - развод / Т. Лав — «Автор», 2026 — (Развод - начало новой жизни)

Когда любимый муж называет тебя чужим именем, а потом и вовсе уходит жить отдельно, мир переворачивается. Но что если вся его крутость была лишь маской, а молодые друзья не так уж и бескорыстны? В меню блюдо дня - развод. Под соусом из предательства и лжи.

© Лав Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Торт, который никто не ел	5
Глава 2. Холодный борщ	9
Глава 3. Эклеры	14
Глава 4. Ропя Вьеха	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тина Лав

Блюдо дня - развод

Глава 1. Торт, который никто не ел

Торт стоял в холодильнике уже третий день. «Красный бархат». Я пекла его сама, хотя всегда ненавидела возиться с тестом. Но это же годовщина! Пять лет - круглая дата. Я хотела, чтобы было по-домашнему, по-настоящему.

Я же люблю своего мужа. Правда люблю! Несмотря на то, что в последний месяц мы практически не общаемся - после перевода на новую должность Рома стал приходить домой поздно. Очень поздно.

Теперь торт стоял на большом керамическом блюде, прикрытый сверху другой тарелкой, чтобы не заветрился. Не помогло. Края уже подсохли, крем местами осел. Памятник моему идиотизму.

К нему так никто и не притронулся. Я не хотела резать его без мужа, а муж... Муж, наверное, его даже не заметил, когда пришел домой в три часа ночи. А утром снова ушел. И на следующий день все повторилось.

Я разрежала торт. Не пропадать же добру?

Ключ провернулся в замке в десять вечера.

Я даже не стала включать свет в прихожей. Сидела на кухне в темноте и ковыряла вилкой подсохший кусок бисквита. Десять вечера. Для последнего месяца это было неприлично рано. Обычно Рома приходил после двух, а то и вовсе не приходил, присылая смс: «Задерживаюсь, не жди».

Я ждала. Три дня ждала. Сначала поздравления, потом объяснений, потом просто хоть какого-то слова.

– Нам надо поговорить, – сказал он.

Не «привет», не «как день». Сразу с порога, даже куртку не снял. Стоял в коридоре, как чужой. Тень от лампы падала на его лицо, делая его жестче.

Я выдохнула. Ну все. Наконец-то. Сейчас будет мириться. Извиняться за молчание. За то, что не поздравил. За то, что я три дня слушала тишину вместо «люблю».

Он наконец прошел на кухню, но не сел. Оперся о косяк, скрестил руки на груди. Поза закрытая. Защитная. Будто я собираюсь напасть.

– Я больше так не могу. Вероника, это невыносимо. Я пять лет страдал. Пять лет.

Я моргнула, пытаюсь сфокусировать взгляд. Слово «страдал» повисло в воздухе, как дым от сигарет, которых у нас дома никто не курил.

– Что? – переспросила я. Голос звучал чужим, не моим. – Ты о чем, Рома?

– Ты меня не слышишь! – повысил голос он. Тот самый тон, которым он последнее время отвечал на любые вопросы. Усталый. Раздраженный. Будто я не жена, а назойливый менеджер из колл-центра. – Мне душно. Я задыхаюсь. Мне нужны перемены.

– Я бы тебя услышала, – тихо ответила я. – Если бы ты хоть что-то сказал. Но последние несколько дней ты удивительно молчалив. Даже про нашу годовщину забыл. Я думала, такое бывает только в дешевых мелодрамах.

Он молчал. Смотрел в пол. Мне вдруг стало не по себе. Не страшно, нет. А как-то... непонятно. Пять лет страданий? Интересно, когда именно они начались? В тот день, когда мы ехали в его деревню знакомиться с родителями? Или когда выбирали обои в спальню? Или когда покупали участок, чтобы построить на нем дачу?

– Я уйду, – наконец выдавил он. – Я сниму квартиру. Здесь я жить не могу.

Моя рука дрогнула, вилка звякнула о керамику. Звук получился слишком громким для этой тишины.

– Снимешь? – я недоуменно заморгала. – Рома, на какие шиши? Нам еще строить дом... Хотя бы времянку какую-то. Сейчас не время тратить деньги на всякую ерунду. Давай ты просто ляжешь, выспишься, а завтра...

– Я все решил, – отрезал он. – Я ухожу. Нам надо развестись.

Развестись. Слово какое-то канцелярское. Холодное. Чужое. Не про нас. Мы же только месяц назад выбирали краску для кухни. Смеялись, спорили, какой цвет вкуснее — оливковый или фисташковый. Он обнимал меня за плечи и шептал, что летом обязательно все покрасим. Какой развод? На ровном месте, среди пустой кухни и подсохшего торта.

– Будешь торт? – глупо произнесла я, потому что ничего умного в голову не приходило. Ситуация была совершенно идиотская. И весь этот разговор – тоже.

– Мне не надо, – поморщился он, будто я предложила ему не десерт, а ложку касторки. – И вообще, не начинай.

Он развернулся и пошел в ванную. Хлопнула дверь. Через секунду зашумела вода. Он просто ушел мыться. Как в любой обычный день. Будто не сказал только что, что жизнь со мной – это пять лет страданий.

Я осталась одна на кухне. В темноте. Перед блюдом с тортом.

Отрезала еще кусок. Жевать не хотелось, но я жевала. Назло. Чтобы не плакать. Чтобы желудок был занят, а не сердце.

Пять лет страданий. Я пыталась вспомнить, чем именно он страдал. Тем, что я кормила вкусным ужином? Тем, что не пилила, когда он приходил поздно? Тем, что работала из дома, чтобы быть рядом, но при этом зарабатывала больше него? Может, его давило мое присутствие?

Пять лет страдал, а я не замечала?

Я доела кусок и запила холодным чаем. В квартире было тихо. Слишком тихо. В последний месяц так было всегда – Рома был на работе, а я – в своих проектах. Погружалась в себя, дизайнила интерфейсы, правила код, вылезала из этой “комы” только поесть. Так было даже спокойнее – никто не отвлекал. Но сейчас тишина давила на уши.

Что я сделала не так?

Вопрос крутился в голове, как заевшая пластинка. Я перебирала в памяти последние месяцы. Точнее, месяц.

Рома так ждал этого повышения. Долго добивался, старался, доказывал, что достоин. А начальство отмахивалось – то места в отделе не было, то оно было кому-то нужнее. И все это время Ромка работал на складе и ужасно уставал, но не жаловался.

Хотя нет. Жаловался, конечно. Но терпел.

И вот месяц назад пришел радостный – его перевели в отдел логистики. Совершенно другая работа! Другие обязанности, другая ответственность. И зарплата пусть немного, но выше. И перспективы новые.

Конечно, ему нелегко пришлось – с ходу влиться в работу. Да, мы ругались. Да, он стал задерживаться. Да, я была уставшей. Но кто сейчас не уставший? Я же не требовала от него подвигов. Просто жить. Вместе. Помогать друг другу.

Может, я действительно стала «душной»? Может, слишком много работала? Забывала спросить, как прошел день?

И вот даже сейчас – вместо того, чтобы напомнить о годовщине словами через рот, просто испекла этот чертов торт и поставила в холодильник, как молчаливый упрек, рассчитывая на то, что муж его увидит и вспомнит. Не вспомнил.

Или он и не забывал об этом. Просто не хотел праздновать, потому что решил... развестись?

Со мной?

Я посмотрела на свои руки. Маникюр свежий, сделала три дня назад, специально к празднику. Ногти ровные, покрытие стойкое. Я всегда следила за собой. Не ради него, ради себя. Но ведь он же говорил, что я у него самая красивая. Всегда. Что поменялось?

Вода в ванной выключилась. Я встала и начала собирать со стола. Механически. Тарелка с вилок в раковину. Блюдо с тортом – в холодильник. Зачем? Кто его будет есть? Но выбрасывать было жалко. Все-таки силы потрачены. Время потрачено.

В квартире было чисто. Я старалась. Даже во время завала на работе, всегда находила полчаса, чтобы прибраться. И вот отсюда Рома решил уехать на съемную квартиру?

Мы же планировали дачу. Обсуждали, где поставим беседку, какие цветы посадим. На Новый год загадывали, чтобы на все хватило денег. Он смеялся, обнимал меня за плечи и говорил, что сделает все своими руками.

Где ошибка? В какой строчке уравнения я потеряла икс?

Дверь спальни щелкнула. Рома лег спать. Не спросил, буду ли я, не позвал - просто выключил свет. Щель под дверью стала темной.

Я прошла в ванную и посмотрела в зеркало. Гладкое стекло, чуть забрызганное пастой, отразило женщину с уставшими глазами. Не страшную, не жалкую, не «загнанную». Просто непонимающую.

– Красавица, – прошептала я своему отражению. – Ну что ты не так сделала?

Вода из крана шла чистая, холодная. Я подставила ладонь, умылась. Стало немного легче.

Поморщившись, оторвала кусочек туалетной бумаги и стерла брызги с зеркала. Терпеть не могу, когда все заляпано. А Рома никогда не заботится о таких мелочах. Может, я его пилила? Вроде, нет. Последний месяц он даже собственную чашку от чая ополоснуть не считал нужным.

Я вернулась в кухню, села за стол, открыла ноутбук. Экран осветил лицо бледным светом.

Пальцы сами ввели в поисковике: «Почему муж хочет уйти после пяти лет брака».

Миллион ответов. Психологи, форумы, статьи. «Кризис пяти лет», «Бытовуха заела», «Новая любовь».

Новая любовь? Нет. Рома не такой. Он добрый. Слишком добрый, чтобы вот так вот врать. Он верный. Честный. Заботливый. Он просто запутался. Устал.

Новая работа - серьезный стресс. Он уже месяц нормально не спал, а за три-четыре часа разве отдохнешь? В таком режиме долго не протянешь, точно крыша поедет.

Да что там - месяц? Даже пару дней аврального режима способны сделать человека злым, раздражительным и вредным. Ромке просто нужно выспаться, попить витаминов. Тем более, весна на носу - самое тяжелое время, когда усталость от холода, темноты и снега накапливается, а тепло все никак не наступит, и терпению приходит конец.

Отдых. Нужен отдых. Он точно решит проблему. И моя поддержка в это трудное для него время.

Я верила в это. Честно. Я хотела верить. Потому что если причина не во мне, то значит, во всем виноваты обстоятельства. А обстоятельства можно исправить.

Надо стать лучше. Мягче. Интереснее.

Надо войти в положение. Надо понять и поддержать.

Ведь мы и в горе, и в радости, и в богатстве, и в бедности... Мы поклялись.

Я посмотрела на закрытую дверь спальни. Оттуда не доносилось ни звука. Он спал. Это хорошо - он рано уснул, уже завтра ему станет легче.

Завтра я приготовлю его любимый борщ. Куплю свежее мясо - Ромка любит запеченную под сыром свинину с ананасами. Работа... Работа подождет.

А я буду рядом с мужем. Буду улыбаться. Не буду спрашивать, где был.

Все наладится. Обязательно наладится.

Я выключила ноутбук и осторожно, стараясь не потревожить мужа, зашла в спальню. Он ровно дышал, отвернувшись к стене. Я постояла немного, потом аккуратно подняла одеяло и легла рядом. Мне нужно было почувствовать его тепло. Убедиться, что он реальный. Что завтра мы проснемся, выпьем кофе и снова будем спорить про фисташку и оливку.

Я протянула руку и осторожно положила ее ему на плечо. Он не дернулся. Тогда я взяла его руку и прижала к себе. Его ладонь была теплой. Тяжелой. Знакомой.

– Мы справимся, – прошептала я в темноту. – Все ерунда. Переживем.

Рома вдруг пошевелился. Я замерла, ожидая, что он сейчас отвернется или скажет что-то неприятное. Но он вместо этого повернулся ко мне. Нашупал меня рукой и притянул ближе. Крепко обнял, уткнувшись носом мне в волосы.

У меня внутри отлегло. Все хорошо. Даже во сне он меня любит. Даже во сне не отпускает. Никакие слова не важны, важно это тепло.

– Вика, – промычал Рома сквозь сон.

Я замерла. Вика? Какая Вика?

Дыхание мужа снова стало ровным. Он спал, крепко обняв меня.

Наверное, ослышалась. В темноте все звуки искажаются. Или ему приснилось что-то свое. Мало ли что снится мужчинам?

– Ника я, – прошептала я в подушку. – Меня зовут Ника.

Глава 2. Холодный борщ

Новый день начался не с солнца, а с усиленной реанимации семейных отношений. Я решила, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, и если вчерашний торт он проигнорировал, то горячий ужин станет тем якорем, который удержит его на берегу нашей совместной жизни.

Рома ушел еще до моего пробуждения. Даже не попрощался. Просто тихо закрыл дверь, чтобы не разбудить. Забота или равнодушие?

Я вспомнила, что было время, когда он целовал меня спящую перед уходом. А я в полусне обнимала его. Кажется, это было совсем недавно. Или давно? Когда это закончилось? До Нового года или уже после?

Я вышла из дома в магазин еще затемно. Мороз кусал щеки, но мне было жарко от решимости. В супермаркете я выбирала говядину так тщательно, словно от сорта мяса зависело будущее человечества. Мраморная, свежая, без жилок. Продавщица, заспанная и хмурая, удивленно приподняла бровь:

– На борщ? Такое дорогое мясо? Возьмите косточки. Из них бульон наваристее, и по цене выгоднее.

– Никаких косточек, – решительно ответила я. – Сегодня особый день. Это не простой борщ. Это примирительный борщ. И еще кусочек свинины, пожалуйста, взвесьте. Тоже самый лучший.

Вернувшись, я сразу взялась за дело. Квартира была погружена в тишину. Не тут тревожную тишину, которая оглушила меня вчера, а в совсем другую - тишину надежды.

Я чистила картошку, резала лук, шинковала капусту. Монотонные действия успокаивали. Стук ножа о доску отмерял время. Лук щипал глаза, и я не могла понять: это от овощей или от того, что внутри все сжималось в комок. Я варила борщ по его любимому рецепту. Именно Рома научил меня добавлять немного лимонного сока, чтобы цвет был чистым и насыщенным.

– Так вкуснее, Никуш, – говорил он, обнимая меня за талию, пока я мешала суп.

Тогда я смеялась. Сейчас я просто мешала.

К обеду квартира наполнилась густым, наваристым ароматом. Запах был таким уютным, таким домашним, что мне самой захотелось верить: все наладится. Ну как можно уйти из дома, где пахнет любимым борщом? Где в духовке томится мясо под ананасами и сырной корочкой? Где тебя ждут?

Время тянулось медленно. Я проверяла телефон. Никаких сообщений. Писала только Танька, спрашивала, как дела. Я соврала, что все отлично - Рома работает, а я... тоже работаю. Разве это ложь? Чистая правда. Работаю над отношениями, которые, почему-то, дали трещину.

Но мы все вылечим. Мы взрослые люди и любим друг друга. А кризисы бывают у всех.

Стрелки часов ползли к восьми, к девяти, к десяти. Борщ давно остыл, и я убрала его в холодильник.

Мясо, которое я достала из духовки часом раньше, манило так сильно, что я не удержалась и отщипнула маленький кусочек сбоку. Совсем крошечный - просто проверить, насколько это вкусно.

Было вкусно, умопомрачительно вкусно. Роме точно понравится. Кажется, именно такое мясо я готовила на его прошлый день рождения, и он был в восторге.

Сама я перекусила бутербродами. В еде я неприхотлива - йогурт, кусочек хлеба и пара колесиков колбасы заменяют мне любой из приемов пищи. А мясо - красивое, ароматное и нежное - это для Ромы.

Но Рома домой не спешил. Я не звонила - зачем давить на человека, который и так в стрессе?

В полночь мои глаза стали слипаться. Я оставила на столе записку о том, что ужин в холодильнике, и легла в постель. Рома не слепой. Придет голодным с работы и все увидит. И поймет.

Утро наступило слишком быстро. Будильник не звонил – я проснулась сама, от тишины. Рома уже ушел. Надо же, я даже не проснулась. Может, он и не приходил?

На тумбочке лежали ключи от машины. Вчера их не было. Интересно, на чем он уехал? На такси? Почему? Наверное, снова пришел поздно, не выспался, и счел правильным не рисковать за рулем. Погода сейчас нестабильная, на дорогах гололед... Разумно.

Или машина банально замерзла? С нашими морозами это не редкость.

Я подошла к холодильнику. Достала кастрюлю. Сняла крышку.

Борщ был нетронутым. Кусочек мяса чуть-чуть торчал над гладью бульона, как и вчера. Даже хлеб, который я вчера нарезала, так и лежал на тарелке, слегка заветренный.

Мясо, прикрытое полотенцем тоже осталось неприкосновенным.

Я стояла посреди кухни и смотрела на эту еду. Это был не просто обед. Это было мое признание в любви. Моя попытка сказать: «Я здесь. Я люблю тебя. Давай попробуем снова».

А он даже не притронулся.

Может, он просто не заметил? Может, устал так, что забыл поесть?

Нужно спросить. Вечером. Спокойно.

День прошел в тумане. Я пыталась работать. Открыла макет, который нужно было сдать еще вчера. Курсор мигал на экране, но я не могла сосредоточиться. В голове крутилась одна мысль - почему он не ел?

Почему он даже не прикоснулся ни к борщу, ни к мясу?

В квартире царил идеальный порядок, но я начала прибираться. Забросила вещи в стиралку, помыла полы, хотя вчера уже мыла. Протерла пыль, которой не было. Мне нужно было движение. Нужно было чувствовать контроль хоть над чем-то. Если я не могу контролировать его уход, я могу контролировать чистоту плинтусов.

К вечеру квартира сияла. Пахло химической свежестью средства для мытья стекол. Я накрыла на стол. Может, если борщ будет прямо на столе, то муж его поест?

Рома пришел в начале одиннадцатого. Что ж, это уже хороший знак - второй раз приходит почти вовремя за эти три дня. Может, тоже понимает, что перегнул?

Я сидела за столом. Он вошел, увидел меня и борщ, и его лицо исказила гримаса. Не злости - скорее раздражения. Как будто я снова нарушила какие-то неписанные правила.

– Зачем ты это сделала? – кивнул он на тарелки.

– Чтобы ты поел, – сказала я тихо. – Рома, почему ты не ел вчера? Борщ был отличный. Мясо тоже.

Он снял куртку. Повесил ее на стул, а не на вешалку. Раньше он всегда вешал на вешалку. Мелочь, но она резанула глаз.

– Я не хотел, я поел на работе.

– В два часа ночи? – не выдержала я. – Рома, не надо врать. Я же не дура. Еда стоит нетронутая. Ты даже не попробовал, хотя ты любишь мясо с ананасами. И борщ тоже. А я его даже не ем. Ты прекрасно знаешь, что я готовлю его только для тебя.

Он вздохнул тяжело, с надрывом и сел напротив.

– Вера, дело не в борще.

Вера? Рома прекрасно знал с самого первого дня знакомства, что я терпеть не могу, когда меня называют Верой. Не потому что я не люблю это имя или недолюбливаю какую-то конкретную Веру, а потому что меня зовут Вероника. Не Вера! Вероника. Ника, Роня, но не Вера!

Но это сейчас было неважно.

Я облокотилась локтями на стол и запустила пальцы в волосы, помассировала виски, стараясь вернуть себе стремительно уходящее спокойствие.

– А в чем? – беспомощно спросила я. – Скажи мне, что я сделала не так? Что не так с ужином?

– С ужином, который ты приготовила впервые за черт знает сколько времени? – удивленно уточнил он, подняв на меня глаза. – А с чего вдруг ты так постаралась? Тебе было плевать на меня, а теперь, когда я решил уйти, ты спохватилась и решила поиграть в хорошую жену?

Я моргнула.

– Что?

– Ты сто лет не готовишь, Вер. В последнее время я прихожу, а на столе пусто. Холодильник пустой. Ты вся в своем компьютере, в своих проектах.

Я смотрела на него и не понимала. Передо мной сидел человек, которого я знала пять лет. Который знал, что я работаю из дома. Работаю, а не играю и не залипаю в сериалы. Который знал, что последний месяц он приходил после полуночи, и готовить было не для кого. И холодильник не был пустым - я же не умерла с голоду за этот месяц!

– Я не готовлю? – переспросила я. Голос дрогнул. – Рома, ты серьезно? Я еще вчера все это приготовила, но ты даже не притронулся!

– Это было вчера, – пожал он плечами. – А до этого? Неделями ничего нет. Ты на меня давно забила. У тебя работа, проекты, дедлайны... Все это, конечно, куда важнее, чем я.

Сарказма в его голосе хватило бы чтобы убить целую лошадь, а то и трех. Но я не лошадь, я просто сглотнула комок обиды, подступивший к горлу.

Это было нечестно. Это было подло. Но самое страшное – он, кажется, сам верил в свою ложь. Он переписывал историю, чтобы оправдать себя. Чтобы не чувствовать себя предателем. Если я плохая жена, которая не готовит, значит, он имеет право уйти. Значит, он жертва.

– Ты просто ищешь повод, – тихо сказала я.

– Мне не нужен повод, я уже все решил, – поморщился он. – Я не люблю тебя, Вер. Понимаешь? Просто не люблю. Нет больше тепла вот тут.

Он ленько постучал кулаком по своей груди в районе сердца.

– А оно было раньше? – спросила я. – Месяц назад было? Два месяца назад?

– Раньше было, – он отвел взгляд. – А теперь нет.

– Кто она? – тихо спросила я.

– Никто, – пожал плечами Рома. – Нет никакой “ее”. Дело в тебе, услышь меня. Я не люблю. Не люблю - тебя.

Он врал. Я чувствовала это каждой клеткой. Но зачем? Чтобы не выглядеть подлецом? Чтобы я не думала, что он променял меня на кого-то?

– Хорошо, – я кивнула. – Пусть так. Я понимаю, что ты не в настроении. Работа новая, напряженная, ответственная. Я тоже была загружена после праздников... Но сейчас я сдала проект, и у меня будет больше времени. Давай мы не будем рубить с плеча. Разрушить легко, а построить настоящую семью...

– Нет больше никакой семьи. Есть ты, и есть я, – отрезал муж с каменным лицом. – Мы попробовали - не получилось.

– В каком смысле - не получилось, Ром? – стала закипать я. – Мы пять лет прожили в нормальном счастливом браке!

– В счастливом? – усмехнулся муж так, что у меня внутри все похолодело. – В каком месте он был счастливым? Мы постоянно ругались. Ты вечно выносила мне мозг! Как можно быть счастливым в такой невыносимой атмосфере?

– В любой семье случаются конфликты, – возразила я, стараясь звучать спокойно и ровно.

Да, мы ссорились порой. И да - я просила его делать что-то по дому - убирать грязные вещи в корзину, а не разбрасывать по стульям; ставить ботинки на обувницу, а не бросать их посреди коридора. Посуду за собой помыть - не безрукий же! Это элементарное бытовое

самообслуживание. Взрослый человек должен уметь это делать. И это он называет выносом мозга? Разве я просила о чем-то сверхъестественном?

Разве быть взрослым - это такая невыносимая ноша?

– Я устал от них. Я хочу просто пожить, понимаешь? Спокойно пожить без этого постоянного давления на меня. Мне нужно личное пространство.

– Пространство, – эхом повторила я. – В съемной квартире?

– Да. Вер, давай хоть сейчас не будем ругаться? Просто дай мне спокойно уйти.

– Уйти? Может, не стоит так торопиться? Сегодня ты пришел пораньше, мы можем посмотреть кино, поужинать. Мясо я разогрею, а вчерашний борщ, говорят, даже вкуснее свежего...

– Я пришел пораньше, чтобы собрать вещи, – перебил меня Рома. – Я уже нашел квартиру, и уеду сегодня.

Он прошел в спальню. Я слышала, как он открывает шкаф. Как шуршат вешалки. Я не пошла помогать.

Боль оглушила и ослепила меня. Сегодня. Он уйдет сегодня. Он уже все решил.

Он все решил еще тогда, когда я готовила этот чертов борщ.

Или даже гораздо раньше.

Он все решил. За меня, за нас. Он решил за нашу семью – сам, один, не спрашивая меня.

И все мои попытки помириться выглядели теперь жалко и нелепо. Глупо. Бессмысленно.

Через десять минут он вышел. В руках была сумка. Небольшая дорожная сумка.

– Это все? – спросила я.

– Пока да. Остальное заберу потом.

– Когда потом?

– Не знаю. На днях.

Он начал обуваться. Я смотрела на его руки. Они дрожали. Легкая дрожь, которую он пытался скрыть, застегивая молнию на куртке.

– Рома, – тихо позвала я. – На улице минус двадцать. Надень шапку. И ключи от машины там – на тумбочке.

Он замер. Посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

– Машина пока не нужна, она все равно замерзла, – сказал он. – Хотя ладно, подай ключи, а то забуду. Сейчас еще за приставкой вернусь. Можешь пока провода выдернуть и смотать?

– Куда ты едешь? В соседний дом?

– Нет, не совсем, – неохотно ответил он. – Я снял квартиру здесь. В нашем доме.

– Где – здесь?

– На пятом этаже. Студию.

Дверь закрылась. Я осталась стоять в прихожей, дрожа не столько от холода, сколько от леденящей пустоты в груди.

Пятый этаж. Мы – на третьем. Два этажа выше. Каких-то два жалких этажа. Не больше десяти метров наискосок. Между нами будет не больше десяти метров.

Он не уехал. Он не ушел далеко.

Внутри меня что-то дрогнуло. Надежда – предательская, глупая надежда – расправила крылья.

Если бы он действительно разлюбил, если бы там была другая, он бы уехал. В другой район. В другой город. Он сжег бы мосты.

А он остался в том же подъезде.

Значит, он хочет быть рядом. Значит, он еще не решил окончательно. Значит, это просто импульс. Кризис. Ему нужно время побыть одному, но не слишком далеко. Чтобы я была на расстоянии вытянутой руки. Длинной такой десятиметровой руки. Пара минут по лестнице – даже лифт не нужен.

Он вернется. Конечно, вернется. Когда поймет, что там, наверху, холодно. Когда поймет, что никто не сварит ему борщ. Никто не погладит рубашку.

Я подошла к холодильнику. Достала мясо и начала перекладывать его в контейнер. Отдам его Роме, когда он вернется за приставкой. Все равно, я его есть не буду. Я же не для себя его готовила. А он поест. Он поест и все поймет.

– Завтра, – сказала я вслух и выглянула в темный ночной двор. – Завтра я приготовлю что-нибудь другое. Может, плов. Он любит плов.

Я улыбнулась своему отражению в темном стекле окна. Улыбка вышла кривой.

Все наладится. Он просто испугался. Испугался ответственности, работы, чего-то еще. Но он рядом.

Я выключила свет на кухне. Прошла в спальню. Наша кровать была большой. Слишком большой для одной.

В доме было тихо. Но где-то выше, на пятом этаже, возможно, шурашли пакеты с вещами, которые унес Рома. Немного вещей - самые необходимые.

Это хороший знак. Это очень хороший знак.

Он просто взял паузу. Это временно.

Я стала выдергивать провода от приставки. Пусть отдохнет, поиграет, расслабится. Ему сейчас нужен поток свободы. А я подожду.

Глава 3. Эклеры

Утро началось с тишины. Не той благодатной тишины, которая бывает в выходные, когда можно поваляться в постели лишние полчаса, а какой-то звонкой, напряженной. Я протянула руку на соседнюю подушку — холодная. Ткань не сохраняла тепла, запаха шампуня Ромы почти не осталось. Только слабый шлейф, который вот-вот должен был исчезнуть совсем.

Я выбралась из-под одеяла, поежившись от прохлады, и пошла в ванную. Из зеркала на меня смотрела женщина, которая не спала ночь. Темные круги, растрепанные волосы, неожиданно резкие морщины. Я включила воду, умылась ледяной струей, чтобы прийти в себя.

— Так, Ника. Выдыхай, — сказала я своему отражению. — Ты справишься. Это просто кризис. Мужчины тоже имеют право на слабости.

Но внутри скреблась тревожная мысль. Почему он ушел именно сейчас? Почему именно так?

Разве мужчины уходят в пустоту? Очевидно же, что так не бывает. Мужчины даже к любовницам не всегда уходят! Точнее, они почти никогда не уходят даже к любовницам.

Изменяют, обижают, ссорятся, но остаются. Потому что жена — это удобно, это привычно, это стабильно. Если, конечно, это нормальная жена.

А я нормальная жена. Хорошая даже. Квартира добрая, машина, купленная на мои личные деньги, хорошая работа с достойной зарплатой. Выгляжу я прекрасно — слежу за собой, спортом занимаюсь, хоть и не регулярно, но все-таки. Поддерживаю дома порядок, навожу уют. Как можно просто взять и уйти от семейного комфорта в съемную каморку? Ах да, не каморку, а студию. Действительно — огромная разница.

Нет, тут наверняка замешана женщина.

Но тогда почему он ушел не к ней, а в съемную квартиру? Или он ее притащит... сюда? И они будут кувыркаться на старом продавленном диване в десяти метрах от меня? Пусть и через куски бетона, но... Так близко.

Я отогнала мысль. Это слишком сложно для моего утреннего мозга.

Я вернулась на кухню, включила кофемашину. Аромат зерен немного взбудрил. Взгляд упал на телефон. Ни сообщений. Ни звонков. Тишина.

Мне нужно было поговорить с кем-то. Держать это в себе было невозможно. Но кому звонить? Маме? Нет, Рома никогда ей не нравился. Они не враждовали, и она даже мило улыбалась ему на семейных сборищах, но наедине всегда говорила, что он для меня слишком молодой, слишком деревенский и слишком бесхребетный. Этаким мямля и подкаблучник, который сам не знает, что делает, а делает то, что я скажу.

А вот, однако же, сам разобрался, где дверь, и даже сам в нее вышел. И квартиру сам нашел. Очень вовремя — как раз, когда зарплата стала выше примерно на стоимость арендной платы за студию.

Мама обязательно скажет, что этого следовало ожидать. Что Ромка жил со мной только потому, что ему нужна была моя квартира и деньги. Как будто я какая-то престарелая миллиардерша, а он юный слащавый альфонс! Но ведь это совершенно не так.

Звонить маме не вариант. Точно разревусь, а я и так выгляжу, как будто меня всю ночь били мокрыми тряпками по лицу.

Оставалась Таня.

Танька знала меня еще с девятого класса. Мы прошли вместе выпускные, институт, мои первые отношения, ее развод. Она была частью моей жизни. И, что важнее всего, она работала в той же компании, что и Рома. Она в продажах, он в логистике.

Я взяла телефон, нашла контакт «Танк». Палец завис над кнопкой вызова. А что я ей скажу? «Привет, мой муж ушел жить на пятый этаж в студию, потому что ему не хватило пространства в трешке»? Звучит как плохая шутка.

Я вздохнула и нажала вызов.

– Ну что, ведьма, жива еще? – бодрый голос Таньки ворвался в мою тихую кухню сразу же, после второго гудка. Она всегда отвечала быстро. Энергии у этой женщины хватило бы на зарядку целого города.

– Твоими молитвами, – слабо улыбнулась я, хотя она меня не видела. – Как ты?

– Как всегда. Бегу. Только что с совещания, клиент ждет. У тебя что-то срочное?

– Да нет, – промямлила я. – Давай перезвоню, когда удобно будет.

– Голосок больно грустный, – строго заметила Таня. – В двух словах говори, чего там у тебя, а я потом подумаю, как разобраться.

– Ничего особенного, – снова попыталась я слиться с острой темы, но внезапно решила.

– Тань, слушай, ты в логистике бываешь? Ну, в отделе?

– На кой они мне? – весело заметила Таня. – Своих дел выше крыши. А что? У тебя же Ромка там.

– Именно, – вздохнула я. – Ромка там. И что-то с Ромкой не то. Какой-то он странный последнее время. Работает много, огрызается. Что-то сердце не на месте у меня. Как бы бабенку какую там не завел себе. Есть у вас там свободные, красивые, хищные?

– Я, – хвастливо заявила Танька. – Но я в продажах, и Ромку не трогала. Выясним, Никсон, выясним. Забегу перед выходом, гляну, кому на морде геометрию подправить требуется. А то, что работает много, так оно и понятно – должность обязывает.

– До трех ночи на работе сидеть? – хмыкнула я.

– До сколько? – ошеломленно протянула Таня. – Офис в десять закрывается, охрана всех выгоняет.

– Ну вот это я и должна была услышать, – тихо ответила я.

– Так! Никсон! Ну-ка отставить панику. Ты сегодня дома?

– Дома. Работаю.

– Так бросай ты свою работу к черту. Я после встречи заскочу. Кофе попьем, поболтаем. Давно не виделись.

– Тань, я не знаю... – начала я, но она уже перебила.

– Никаких «не знаю». Но не прямо сейчас. Часа в три буду у тебя. И не вздумай готовить что-то сложное. Я просто хочу тебя видеть. Ну все, я побежала. В три часа жди меня с вкусняшками!

Она бросила трубку. Я посмотрела на телефон. Таня не принимала отказов. Это было одновременно и раздражающим, и спасительным.

У меня было несколько часов. Я ходила из комнаты в кухню, как маятник. В голове крутился один вопрос – стоит ли вообще впутывать Таню? Мы с Ромой пять лет вместе. Это наша семья. Разбираться должны сами.

Но какая это семья, если муж спит на пятом этаже, а жена на третьем?

Я села за стол, обхватила чашку с остывшим кофе ладонями. Вспомнила, как все началось. Рома приехал из деревни. Один чемодан, в котором помещалась вся его жизнь. У него не было здесь никого. Ни друзей, ни родственников. Только я.

Я вспомнила, как помогала ему с переездом.

Я вспомнила его маму. Милейшая женщина, приняла меня, как родную. И папа у Ромки замечательный. Простой деревенский мужик без заскоков. Я смотрела на него, и понимала, в кого Ромка такой хороший.

Звонила им, поздравляла с праздниками. Посылала подарки в деревню. Рома говорил: «Зачем ты тратишься?». А я тратилась. Потому что он был частью меня.

И что теперь? Он меня бросает?

– Он не бросает, – прошептала я вслух пустой кухне. – Он хочет побыть один.

Но даже мне самой этот аргумент казался слабым.

Обычно, когда мужики уходят, они хотя бы сжечь мосты. А он остался в зоне видимости. Два этажа выше. Это странно. Очень странно. Непонятно.

Ровно в три часа раздался звонок в дверь. Я вздрогнула. Открыла. Таня влетела в прихожую, словно ураган. В одной руке – коробка с эклерами из любимой пекарни, в другой – пакет с хорошим чаем. Никакого вина, слава богу. Повод, конечно, есть, но до вечера еще далеко.

– Где моя любимая подруга? – она сбросила пальто, чмокнула меня в щеку. От нее пахло дорогими духами, холодом улицы и чем-то неуловимо живым.

– В печали, – я взяла у нее пакет. – Спасибо.

– Вижу, что не выпалась, – Таня сразу перешла в режим сканера. Она села за стол, осмотрела меня с ног до головы. – Глаза ожидаемо грустные. Муж совсем офигел?

Я замерла с эклером в руке. Вот так, с порога.

– Не совсем, – я опустила глаза. – Тань, у нас... просто трудности.

Таня посерьезнела. Она отставила чай, наклонилась ко мне.

– Какие трудности? По шкале от одного до десяти, где десять это “убить мало”?

– Рома... – начала я. Сказать правду вслух было страшно, и я не решилась. – Он странный. Ты была в логистике?

– Была, – серьезно кивнула Таня. – Никсон, там глухо, как в танке. Ни одной телки. Не знаю, чего он странничает, но баб там нет, клянусь. Одни мужики, все работают давно. Из новеньких вот только твой, да какой-то Алешка.

– Алешка? – переспросила я.

– Ну, Алексей, – закатила глаза Таня. – Ты же знаешь, что у меня к Алексеям предвзятое отношение. Они все для меня навеки – Алешки. Тем более, этот Алешка – сопляк малолетний, ему лет двадцать. Не дорос до Алексея. А-леш-ка!

– Допустим, – хмыкнула я.

Танькин бывший муж – Алешка – не уходил – он позорно убегал из собственной квартиры, боясь получить от Таньки увечья, не совместимые с жизнью. Или хотя бы несовместимые с его походами по любовницам. Узнав об измене, Танюха не думала, она делала – порвала все его вещи, разломала пополам ноутбук, собрала все в мусорные мешки и вышвырнула с балкона.

И нет – это было не в истерике. Таня действовала холодно и решительно. А Алексей знал, что она на такое способна, но не думал, что правда о его похождениях всплывет.

Претензий он не имел, при разводе оформил на нее квартиру и даже не бегал от алиментов. Далеко не убежал бы. Это же Таня. Танчик. Маленький танк. Но очень боевой.

– А странности-то в чем заключаются? Может, просто переутомился? Или драйва не хватает? Бельишко надела, музыку включила...

– Поздно уже, – вздохнула я и выложила, как есть. – Он решил уехать от меня. Надеюсь, временно.

Танька чуть эклер изо рта не выронила.

– Уехать? Куда? Он в лотерею хату выиграл, что ли?

– Снял квартиру. Тут недалеко – на пятом этаже студия.

Таня снова чуть не выронила кусок.

– В смысле? Вот тут – в двух шагах? И чем он аргументировал такой дебильный кандидат?

– Наверное, чтоб далеко не таскать вещи туда-сюда. Поживет отдельно, отдохнет, соскучится...

– Да нет, – махнула подруга рукой. – Я о другом. Почему ушел-то вообще?

– Сказал, что больше так не может. Все пять лет со мной он страдал..

– Пять лет страдал? С тобой-то? Ника, ты себя слышишь? Ты же для него все сделала. Из деревни вывезла, обула-одела, на работу устроила...

– Это ты устроила, - поправила я.

– Я это ты, ты это я, - отмахнулась Танька. - Какая разница? Главное, он сам ничего для себя не сделал кроме того, что тебя охмурил. А дальше все делала ты. Не с твоей ли кредитки он себе одежду приличную покупал, чтоб не позориться?

– Он сам ее погасил, - заметила я.

– Ты его на права выучила, за курсы платила, парковаться ночами учила! Кредит на машину взяла!

– Кредит он сам взял, я просто помогала гасить. Не каждый месяц. Просто он тогда еще приставку купил, ему не хватало иногда...

– Бедный Ромашка! - ахнула Танька. - Вот так страдания... Исстрадался весь. Никсон, это фиаско. Мужики все козлы. Это аксиома. Но Рома... Рома вроде был исключением. Помнишь, каким он был, когда вы только познакомились?

– Помню, – я улыбнулась. Воспоминания нахлынули сами собой. – Он был таким... растерянным. Приехал из деревни, чемодан один, и тот старый.

– А ты его под крыло взяла, ты ему дорогу открыла. И вела его по этой дороге. А теперь он решил, что ты больше не нужна? И свалил? В себя поверил?

– Не знаю, - я покачала головой, и на глаза навернулись слезы против воли. - Может, просто устал. Может, любовницу завел. Я ничего не знаю, Тань. Я совсем одна!

– Ты не одна, дуреха, – Таня протянула руку и сжала мою ладонь. – Мы со школы вместе. Помнишь, как мы в девятом классе списывали контрольные? Ты мне физику, я тебе химию. И сейчас споемся у этой жизни. Мы что-нибудь придумаем. А ты не смей пропадать, поняла? Звони в любое время.

Она ушла через час. Дверь закрылась, и тишина вернулась. Но теперь она не давила так сильно.

Я осталась одна на кухне. Но Танькин дух незримо был рядом. Справимся, переживем.

Мысли вернулись к Роме. К тому, как все начиналось.

Я закрыла глаза и увидела его таким, каким он был пять лет назад. Парень из деревни, с горящими глазами, но с пустыми карманами.

Мне было наплевать. Я любила его, а он любил меня. Искренне, по-настоящему. Он заботился обо мне. Никогда не обижал ни словом, ни делом. А я старалась дать ему все, что у меня было.

Разве можно предать того, кто тебе все дал?

«Он хороший, – убеждала я себя. – Он не может быть подлецом. Он просто запутался».

Таня права. Мужики козлы. Но Рома – не козел. Рома – мой Рома. Тот, кто клялся мне в верности на этой самой кухне. Тот, кто говорил, что мы построим дом. Тот, кто обнимал меня ночью и целовал по утрам.

Я вернулась к ноутбуку. Открыла рабочий проект. Нужно было править код. Пальцы забегали по клавиатуре. Стук клавиш заглушил мысли. Работа – это то, что у меня получалось всегда. Здесь был порядок. Здесь был результат. Здесь я контролировала ситуацию.

В отличие от личной жизни.

Глава 4. Роба Въеха

Двадцать третье февраля. День защитника Отечества. В моем случае — бывшего отца семейства, который теперь защищал свое право на отдельную территорию этажом выше.

Я проснулась с ощущением, что тоже должна совершить что-то великое. Не подвиг, конечно. Но что-то такое, что перевернет ход истории. Или хотя бы изменит траекторию падения нашего брака.

Пусть этот день будет моим личным днем защитницы семьи. Я же Ника - богиня победы, я все смогу!

И то, что Рома ответил на мое утреннее поздравление и согласился прийти на ужин, было моей первой маленькой победой. Но она дала мне крылья.

В магазине я провела полчаса у стеллажа с играми. Пальцы скользили по пластиковым коробкам, выбирая ту самую. Он хотел её ещё на Новый год. Говорил, что там графика нереальная, сюжет затягивает, а мир открытый. Но тогда денег было в обрез — мы копили на ту самую дачу, на беседку, на будущее. Теперь будущее стало настоящим, и оно пахло одиночеством и съёмной студией на пятом этаже.

«Эльфийская суматоха». Название звучало немного по-детски, но Рома уверял, что внутри скрывается эпичная битва добра со злом. Я положила коробку в корзину. Пусть сражается со злом. Хотя бы виртуальным.

Продукты я выбирала тщательно. Не просто «что-то вкусное», а именно то, что он любил. Мясо. Хорошая говяжья вырезка, томатная паста, оливки, специи. Я решила приготовить Ропу Въеху.

Кубинское блюдо - «Старые одежды». Мясо долго тушится, а потом разбирается на волокна, становясь похожим на потрепанную ткань. Муторное занятие, но получается вкусно.

Странно, что за пять лет брака, я так ее и не приготовила. А легенда красивая. Говорят, однажды бедный старик молился, чтобы вылечить своего больного сына. У него не было денег на еду, только старые лохмотья. Бог услышал его молитву и превратил эти лохмотья в мясо. Или наоборот — мясо стало таким мягким, что напоминало ткань. Суть не в этом. Суть в том, что любовь и терпение могут превратить что угодно во что-то ценное. Даже старые отношения. Даже лохмотья брака.

Я нарезала лук тонкими полукольцами. Чеснок давила плоской стороной ножа. Мясо шипело на сковороде, выпуская аромат, от которого кружилась голова.

Я хотела, чтобы Ромка почувствовал запах дома. Не того дома, где он сейчас обитал среди пакетов с одеждой, а того, где мы жили вместе пять лет.

Вконец расстаравшись, я испекла медовик. Сама я его никогда не ела - привкус соды я чувствовала даже сквозь сметанный крем, но Рома обожал эти коржи и не страдал от изжоги.

В шесть вечера я накрыла на стол. Две тарелки. Два прибора. Свечу не зажигала - слишком пафосно. Слишком громкий намек. Просто мягкий свет люстры и запах тушеного мяса.

Придирчиво осмотрела себя в зеркало. Красивая. Но бледная.

Я взяла тушь и прошла щеточкой по ресницам. Совсем чуть-чуть - просто придать немного выразительности и глубины взгляду. Не той маняще-притягательной, откровенно-соблазнительной, а живой и настоящей. Не той, которая кричит: “Возьми меня!”, а той, которая шепчет: “Мне не все равно”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.